

Социология права. Девиантное поведение

© 2022 г.

Я.И. ГИЛИНСКИЙ

КРИМИНОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА: О ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ

ГИЛИНСКИЙ Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, Санкт-Петербург, Россия (yakov.gilinsky@gmail.com).

Аннотация. Представлен современный взгляд «криминологии постмодерна» (неокриминологии) на преступность: основания криминализации различных деяний, криминогенные факторы и наказание как предполагаемое средство сокращения преступности. Речь идет не о создании новой науки, а о новых концептуальных идеях, связанных с очередным этапом развития криминологии как социальной науки. Новейшие подходы к девиантности в целом и конкретно к преступности приводят к качественному пересмотру многих традиционных представлений. В частности, преступления и преступность рассматриваются как социальные конструкты, продукт волеизъявления конкретной власти (режима). Криминогенные факторы оказываются обстоятельствами (экономическими, политическими, культуральными, личностными), влияющими вообще на любые (не только преступные) виды поведения людей. Автором приводятся также доказательства, что наказание преступников принципиально не способно оправдать возлагаемые на него надежды.

Ключевые слова: криминология • преступление • преступность • наказание • постмодерн

DOI: 10.31857/S013216250019611-5

Неокриминология – новый этап развития криминологии. «Преступность» появляется в обществе с момента образования государства. В первобытном обществе люди тоже убивали друг друга (об этом говорят, в частности, следы травм на черепах первобытных людей), насиловали женщин, дрались, «воровали» куски пищи. Но никакой «преступности» не было, поскольку не было уголовного закона.

После зарождения государственности и появления уголовного закона, а следовательно, и «преступности», на протяжении уже нескольких тысяч лет не прекращаются споры на тему преступности и противодействия ей (в том числе посредством наказания). Современный этап этих дискуссий связан с тем, что с конца минувшего столетия человечество живет в новом, не совсем привычном обществе постмодерна (постклассическом, постсовременном, а может быть уже и пост-постмодерна). Его особенности (глобализация, массовая миграция, цифровизация и виртуализация, фрагментаризация, «ускорение времени», шизофренизация сознания и др. [Гилинский, 2017]) активно влияют на все социальные процессы, включая преступность и представления о ней.

Чаще всего обращают внимание на изменение самой преступности – ее глобализацию (нелегальная всемирная торговля наркотиками, оружием, людьми, человеческими

органами), появление новых видов преступлений (киберпреступность). Реже замечают, что изменяется и восприятие преступности. Сильная фрагментаризация общества, его разделение на многочисленные «фрагменты» (по возрастному, гендерному, этническому, конфессиональному и иным критериям), приводит к очень различным представлениям «фрагментов» о (не)дозволенном и (не)допустимом. В частности, для молодежи и некоторых «богемных» групп обычно потребление наркотических средств или психотропных веществ, распространена свобода сексуальных отношений. Старшие же возрастные группы (включая многих законодателей) полагают это недопустимым и «преступным». Еще реже замечают объективное изменение последствий наказаний за преступления. В частности, при определении сроков лишения свободы необходимо учитывать «ускорение времени». Если 20–30 лет тому назад, отбыв 5–10-летний срок, человек возвращался в привычную среду, то сегодня он оказывается в непривычном мире, в котором ему трудно ориентироваться и приспособливаться.

Идеи криминологии постмодерна (неокриминологии) уже не одно десятилетие активно развиваются отечественными авторами [Гилинский, 2002; 2021; Жалинский, 2009; Жмуров, 2012; Исмаилов, 2018; Рыбак, 2020]. На развитие и трансформацию криминологии при этом сильно влияют достижения современных наук о человеке и его деятельности – генетики, физиологии, психологии, экономики и т.д. (см., напр.: [Рыбак, 2020]). Достижения криминологии постмодерна, в свою очередь, не могут не влиять на развитие смежных дисциплин, и прежде всего девиантологии – социологии девиантных проявлений (преступности, наркотизма, пьянства, проституции, самоубийств и др.).

Автор попытается далее изложить свое понимание «сдвигов» основных концептов криминологии в эпоху постмодерна. Конечно, при этом «каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос» (Нильс Бор).

Преступность как социальный конструкт. Общепринятое до сих пор представление о преступности как об отклонении от нормы наталкивается на парадоксальное утверждение знаменитого Э. Дюркгейма, который еще полтора века назад заявил: «Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно» [Дюркгейм, 1966: 49]. Впрочем, разумные (с современной точки зрения) представления о том, что такое «преступление» и «преступность», звучали и раньше. Так, по мнению Б. Спинозы, «в естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному» [Спиноза, 1957: 554]. Лишь определенные деяния попадают в уголовный закон не столько по «общему согласию», сколько по воле главы государства и его окружения. Позднее и точнее об этом писал П. Сорокин: «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением; и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнузданности и воздержания и т.д. – все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили. Поэтому причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная» [Сорокин, 1992: 62]. Впрочем, о том, что преступление – продукт законодательной деятельности, знали еще в Древнем Риме: «*Ex senatus consultis et plebiscitis crimina exerceantur*» – преступления возникают (образуются) из сенатских и народных решений.

В современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, зато сегодня разделяется большинством зарубежных криминологов [Barkan, 1997; Caffrey, Mundy, 1995; De Keseredy, Schwartz, 1996; Gregoriou, 2012; Hester, Eglin, 1992; Muncie, McLaughlin, 1996; Young, 2007]. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер: преступность – не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер.

Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Таким образом, преступность – социальный и языковой конструкт [Hess, Scheerer, 1997]. Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление – не онтологическая реальность... Преступление – не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности» [Hulsman, 1986]. Знаменитый норвежский криминолог Н. Кристи тоже считает, что преступность не имеет «естественных» границ, являясь продуктом культурных, социальных и ментальных процессов. Отсюда – парадоксальный вывод, что «преступность не существует» (*Crime does not exist*) [Christie, 2004: 1]. Подробно обосновывается понимание преступления и преступности как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в Оксфордском справочнике (руководстве) по криминологии [Maguire et al., 2007: 179–337].

Итак, «термин *преступление* есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт – это порождение преступлений уголовным законом, который создан людьми. *Преступление* как таковое не существует в природе; это выдумка (*invention*) людей» [Robinson, 2004: 2].

За последние десятилетия большинству криминологов стало ясно: *в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своему объективному содержанию*. Преступление и преступность – понятия сугубо *релятивные* (относительные) и *конвенциональные* (как «договарятся» законодатели). Они – социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии. Действительно, некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут при определенных условиях не признаваться преступлениями.

Так, *убийство* – это умышленное причинение смерти другому человеку (ст. 105 УК РФ), тягчайшее преступление. Но умышленное причинение смерти другому человеку (людям) – это подвиг, если речь идет об убийстве врагов на войне. Это же – профессиональная оплачиваемая деятельность палача в странах, где, к сожалению, сохраняется смертная казнь (например, в США и в КНР). Не будет преступлением легальное умышленное причинение смерти другому человеку, если оно совершено в состоянии необходимой обороны. А умышленное причинение смерти другому человеку по просьбе этого человека – или легальная эвтаназия (в Бельгии, Нидерландах, Швейцарии и др.), или тяжкое преступление (Россия и др.).

Хищение (изъятие чужого имущества без согласия собственника) есть преступление. В то же время существует конфискация имущества (изъятие без согласия собственника) государством, при этом возможно изъятие имущества (денег) без согласия собственника по решению суда.

Потребление производных каннабиса (марихуаны) частично легализовано в большинстве стран Европы, Южной Америки, в Канаде и Австралии, но криминализовано в России. А появление в общественном месте с бутылкой алкоголя в ОАЭ – тяжкое преступление.

Излишняя криминализация деяний, объективно не представляющих серьезной опасности, превращает едва ли не каждого гражданина страны (включая автора этих строк) в потенциального уголовного преступника. Почему ст. 148 УК защищает «чувства верующих» и не защищает чувства атеистов? Так ли уж общественно опасна, например, «организация занятия проституцией» (ст. 241 УК РФ), которая была, есть и будет, пока существуют товарно-денежные отношения, которая была легализована в царской России, сегодня легализована в десятках стран и процветает (нелегально) в Российской Федерации? Почему ст. 168 УК предусматривает уголовную ответственность за уничтожение или повреждение имущества в крупном размере *по неосторожности*, когда это в чистом виде гражданско-правовой деликт? Почему *полтора десятка* статей УК (ст. ст. 228, 228-1,

228-2, 228-3, 228-4, 229, 229-1, 230, 230-1, 230-2, 231, 232, 233, 234, 234-1) пытаются из потребления наркотических средств создать «угрозу национальной безопасности», поместив в места лишения свободы треть всех заключенных в России за то, что легализовано в большинстве стран Европы и Америки?

То, что государство/власть считает «преступным», совершается постоянно в процессе жизнедеятельности людей по удовлетворению их потребностей – в пище, тепле, благополучии, сексе, самоутверждении, самореализации... И в этом смысле *преступность*, как утверждал Э. Дюркгейм, – действительно *нормальное явление*. Поэтому «преступность» была, есть и будет, пока существует государство. Определенные девиантные поведенческие акты, деяния (убийство, изнасилование, побои, кражи и т.п.), будут существовать, видимо, всегда, пока существуют люди. А «преступны» ли те или иные деяния – будет объявлено теми или иными государствами, пока они существуют.

Может, прав был крупнейший представитель уголовно-правовой мысли Германии профессор Х.-Х. Йешек, поставивший вопрос об отмене уголовного законодательства как такового, несовместимого с правами человека и гражданина [Jeschek, 1988: 3]? Да, сегодня ни одно государство не готово к этому. Но задуматься стоит.

Основания криминализации – воля политической элиты. На каких же основаниях государство криминализирует (объявляет «преступлениями») те или иные деяния? Почему в одном государстве криминализировано одно, в другом – другое? Почему в одном и том же государстве со временем одни деяния криминализируют, другие – декриминализируют?

Такие основания попытались найти И. Козаченко и Д. Сергеев, проведя тщательный анализ «оснований» криминализации деяний в разных странах за столетия. И вот (вполне ожидаемый) их вывод: «Главный миф криминализации – о возможности построения ее рациональной модели» [Козаченко, Сергеев, 2020: 212]. Иначе говоря, самое реальное «основание» криминализации – «как пожелает государь» (власть, режим). «Власть, национализировав, присвоив уголовную юстицию в качестве социального капитала, пожелала, чтобы к преступлению относилось все, что она называет преступлением» [Кондратюк, Овчинский, 2008: 22].

Конечно, многие деяния криминализированы с учетом мнения населения (общественного мнения). Действительно, убийства, изнасилования, грабежи и т.д. опасны («преступны»), а их субъекты заслуживают наказания, по мнению большинства населения. Однако объективные основания криминализации многих деяний отсутствуют. Привычное обращение к «общественной опасности» мало продуктивно, поскольку трудно однозначно определить, что такое «общественная опасность» и с чьей точки зрения (каких «фрагментов» общества) ее надо определять.

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не аффилированных с властью, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть*.

Иначе говоря, власть (режим):

- решает (через законодательный орган), что именно здесь и сейчас следует считать преступлением;
- убеждает население (через СМИ, парламентские дебаты, выступления политиков) в целесообразности и полезности именно такого уголовного закона;
- осуществляет через правоохранительные органы и уголовную юстицию «правильную» правоприменительную деятельность.

«Причины» преступности – причины жизнедеятельности. Хотя основная «причина» преступности – воля власти, режима, выраженная в уголовном законе, однако, когда набор преступлений уже определен, можно искать криминогенные факторы, влияющие на состояние и динамику тех или иных конкретных видов преступности и преступности в целом.

Многочисленные криминологические исследования выявили множество факторов – экономических, политических, культуральных, биологических и даже космических

[Чижевский, 1995: 350–405], влияющих на состояние и динамику преступности и ее отдельных видов. Однако одним из наиболее значимых факторов, как общепризнано уже не один век, является социальное и экономическое неравенство.

Современное человечество (периода постмодерна) и население каждой страны делится на меньшинство *включенных* (included) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и большинство *исключенных* (excluded) из нее. В 2015 г. впервые в истории человечества у 1% населения оказалось 50% всех богатств (по данным банка Credit Suisse). Обогащение кучки сверхбогатых сопровождается (вполне по Марксу) абсолютным и, особенно, относительным обнищанием населения. В современном богатом мире 3,4 млрд людей (46% всего населения) не могут удовлетворить основные жизненные потребности. Свыше 1,9 млрд жителей планеты (26% населения) живут в крайней нищете¹. «Противостояние исключенных и включенных является ключевым» [Жижек, 2011: 342]. И именно исключенные оказываются основным субъектом преступлений. Приведу только один пример: по данным МВД РФ, среди всех осужденных за совершение преступлений доля лиц «без постоянного источника доходов» (аналог исключенных) составляет 65–67%, а среди осужденных за убийство и изнасилование – 72–75%². Те же самые факторы – прежде всего, экономическое и социальное неравенство – оказываются алкогенными, наркогенными, суицидогенными и т.д.

Люди, удовлетворяют свои естественные потребности (в пище, тепле, сексе, самоуверждении и др.) как законопослушными, так и нормонарушающими действиями. Нормонарушающими могут быть как негативные (преступления, нарко- и алкопотребление, проституция и т.п.), так и позитивные деяния – научное, техническое, художественное творчество. Не случайно Э. Дюркгейм приводит пример Сократа, приговоренного к смерти за прогрессивные для своего времени представления.

Таким образом, «причины» преступности оказываются «причинами» человеческой жизнедеятельности как таковой. Иначе говоря, под воздействием бесчисленных социальных, экономических, политических, космических и т.д. факторов, преломленных через личностные (психологические, генетические) особенности, человек совершает все то, что общество, государство оценивают как дозволенное/недозволенное, преступное/героическое.

Наказание – бессмысленное и беспощадное. С началом эпохи постмодерна приходит осознание «кризиса наказания». Наказание, в течение тысячелетий предназначенное выполнять функцию сдерживания и сокращения преступности, оказывается не эффективным, не выполняет возлагаемых на него задач!

Об этом достаточно убедительно говорят отечественные авторы. Лишь один пример: «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» [Жалинский, 2009: 56, 68].

Наказание в России, как и в других странах, не достигает ни одной из целей, перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Рассмотрим их по порядку.

Цель № 1: достижение *социальной справедливости*. Но что такое «социальная справедливость»? И с чьей точки зрения? С точки зрения потерпевшего? Виновного? Родственников жертвы? Родственников подсудимого? Ведь одна из особенностей общества постмодерна – его фрагментаризация. И у каждого «фрагмента» есть свои представления о дозволенном/недозволенном, допустимом/недопустимом. С точки зрения сторонников

¹ Почти половина населения мира живет менее чем на \$5,5 в день // Всемирный банк. Пресс-релиз № 2019/044/DEC-GPV. 17 октября 2018 г. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2018/10/17/nearly-half-the-world-lives-on-less-than-550-a-day> (дата обращения: 22.04.2021).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 21 января 2021 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 10.01.2022).

смертной казни, она должна применяться. С позиции противников смертной казни она сама есть преступление, убийство (государством), и совершенно недопустима. А если виновный и его жертва – представители разных этносов, разных конфессий, противоположного пола, разных идеологий? Не окажется ли «социальная справедливость» разных субъектов диаметрально противоположной? И как тогда должен решить суд?

Цель № 2: исправление. Многие специалисты считают, что исправить кого бы то ни было путем наказания – будь то наказание шаловливого ребенка, хулиганистого школьника, подчиненного по службе или лица, совершившего преступление, – в принципе невозможно. Это хорошо знают психологи и педагоги (но «забывают» законодатели). Если преступление совершено по неосторожности, то вообще некого «исправлять». Если оно совершено умышленно, то виновный может «исправиться» сам (раскаяние, осознание неправильности совершенного), или под влиянием родных, близких, товарищей. Но может и не «исправиться». Если наказание назначено в виде смертной казни, то ни о каком исправлении вообще речь не идет. Если лишение свободы – то никак не в российских и им подобным тюрьмах или колониях с их невыносимыми условиями содержания. Да, в тюрьмах Финляндии, Норвегии, Швеции пытаются применять нерепрессивные методы ресоциализации, реадaptации и коррекции [От «страны тюрем», 2012]. Но и в этом случае речь идет не столько об «исправлении», сколько о помощи и возможном воздержании от новых преступлений.

Цель № 3: предупреждение (превенция) новых преступлений. Криминологи различают общую превенцию (предупреждение всех потенциальных преступников) и специальную превенцию (предупреждение новых преступлений тем, кто уже стал преступником). Как свидетельствует весь исторический опыт человечества, малоэффективны как *общее предупреждение* (люди совершали, совершают и будут совершать то, что именуется «преступлениями»), так и *специальное предупреждение* (о чем свидетельствует относительно постоянная или даже увеличивающаяся доля рецидивной преступности). Более того, чем жестче, чем репрессивнее пенитенциарная система, тем выше доля рецидивной преступности. Так, в США при жесткой пенитенциарной системе доля рецидива среди всех совершивших преступления составляет 50–60%, а в либеральной Норвегии – менее 20%. В России уровень рецидива вырос с 20,9% в 1994 г. до 57,7% в 2020 г., что лишний раз свидетельствует о неэффективности специального предупреждения.

Таким образом, строго говоря, наказание не выполняет ни одной из возложенных на него функций. В целом «действующая в современных условиях система уголовного права... не способна реализовать декларированные цели, что во многих странах откровенно определяется как кризис уголовной юстиции» [Жалинский, 2009: 31].

Конечно, само провозглашение некоторых деяний преступными, сама потенциальная возможность понести наказание за их совершение носят в какой-то (пусть незначительной) мере сдерживающий характер (общее предупреждение). Отказаться в принципе от системы уголовного права и наказания за опасные/преступные деяния современное общество явно не может (не готово). Но тогда возникает проблема (а) обоснованности криминализации, отнесения тех или иных действительно опасных деяний к числу «преступных» и (б) оптимизации системы наказаний, минимизации их вредных последствий. Задача стоит в *сокращении вреда от наказания*.

Ожидаемые реформы системы наказаний. О практической реализации задачи снижения вреда от наказаний можно рассказывать долго, автор ограничится краткими тезисами.

Во-первых, *смертная казнь* есть *убийство* государством, совершенно недопустимое и подлежащее отмене. Многолетняя практика показала, что применение смертной казни не только не предупреждает тяжчайшие преступления, а, наоборот, способствует их совершению, приучая граждан к низкой ценности жизни. Это доказывается тем, что в Австрии, Аргентине и ряде других стран после отмены смертной казни не выросло, а сократилось число тех преступлений, за которые она могла быть назначена. В 1965 г. в Великобритании был проведен уникальный эксперимент – наложен мораторий на смертную

казнь на 5 лет. В результате количество преступлений, за которые назначалась смертная казнь до моратория, не увеличилось, и смертная казнь была отменена. В России последний приговор к смертной казни был приведен в исполнение в 1997 г., а с 2001 г. до 2021 г., по данным МВД РФ, уровень убийств (на 100 тыс. населения) снизился с 23,1 до 5,0 (в 4,6 раза).

Во-вторых, применение лишения свободы должно быть сведено к минимуму (если уж государства не готовы от него отказаться). Оно может применяться, как правило, лишь за насильственные преступления и только в отношении совершеннолетних.

В-третьих, сроки лишения свободы в основном не должны превышать 2–3-х лет. Так, в большинстве стран Северной и Западной Европы срок лишения свободы нередко исчисляется неделями и месяцами (а отнюдь не десятилетиями!). В 2016 г., по сведениям, представленным на Европейской конференции криминологов (г. Мюнстер, 2017), средний срок лишения свободы в европейских странах не превышал 1 года 8 месяцев. В Японии еще в конце прошлого века к лишению свободы приговаривалось всего 3–5% осужденных (85% осуждались к штрафу), а срок лишения свободы в основном не превышал 2-х лет [Кан Уэда, 1989].

И, в-четвертых, пожалуй, самое главное: условия отбывания наказания в виде лишения свободы не должны носить репрессивный характер, а должны быть направлены на ресоциализацию осужденных, повышение их образовательного уровня, обучение их новым профессиям или повышение профессионального уровня. Заключение должны жить в нормальных условиях, обеспечиваться качественным питанием, современной медицинской помощью, возможностью пользоваться современными техническими средствами (телефон, компьютер). Лишение свободы само по себе – тяжелое наказание, оно не должно усиливаться репрессивными мерами.

Общая историческая тенденция социального контроля над преступностью такова: (1) сокращение числа деяний, запрещаемых под страхом уголовного наказания; (2) либерализация средств и методов наказания. До «эры милосердия» еще очень далеко, но вектор изменений ведет именно к ней.

А как же профилактика преступлений, скажет знающий читатель? Да, профилактика (предупреждение) преступлений остается в числе привилегированных направлений. Но какими средствами? До каких пределов? За последние годы в современном обществе постмодерна возникла дилемма: *меры безопасности vs права и свободы человека*. Технические возможности постоянного отслеживания каждого человека – «цифровой концлагерь» в Китае, «превентивный арест» в США, «оруэллизация» бытия – заставляют криминологов критически отнестись к безмерной «профилактике», которая может оказаться хуже, чем преступность, против которой она направлена.

Итак, криминология постмодерна стремится к отказу от привычных иллюзий в отношении и преступности, и оснований криминализации, и наказания. Это должно влечь коренные изменения уголовной политики государств. В ряде стран (прежде всего, Северной Европы) это уже происходит, но, к сожалению, далеко не во всех. Что ж, крот истории роет медленно, но основательно...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Питер, 2002.
- Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя, 2017.
- Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021.
- Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (современные буржуазные теории). Сб. ст. М.: Прогресс, 1966.
- Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М.: Проспект, 2009.
- Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.

- Жмуров Д.В. Криминология в эпоху постмодерна. В поисках новых ответов. Иркутск: Репроцентр А-1, 2012.
- Исмаилов Р.Н. Криминология в обществе постмодерна. СПб.: Алеф-Пресс, 2018.
- Кан Уэда. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989.
- Кондратьев Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008.
- Козаченко И., Сергеев Д. Новая криминализация. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020.
- От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / Сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки: НИИПП, 2012.
- Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении. М.: Юрлитинформ, 2020.
- Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
- Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981.
- Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995.
- Barkan S. *Criminology: A Sociological Understanding*. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River, 1997.
- Christie N. *A suitable Amount of Crime*. N.Y.–L.: Routledge, 2004.
- Constructing Crime. Ed. by Ch. Gregoriou. Palgrave Macmillan, 2012.
- De Keseredy W., Schwartz M. *Contemporary Criminology*. Wadsworth Publishing Co., 1996.
- Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // *Kriminologische Journal*. 1997. Heft 2. S. 83–155.
- Hester S., Eglin P. *Sociology of Crime*. N.Y.–L.: Routledge, 1992.
- Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // *Contemporary Crisis*. 1986. No. 10. P. 63–80.
- Jescheck H.-H. *Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil*. 4 Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1988.
- The Oxford Handbook of Criminology. Ed. by M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007.
- The Problem of Crime. Ed. by J. Muncie, E. McLaughlin. SAGE, 1996.
- Robinson M. *Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior*. NJ: Pearson, Prentice Hall, 2004.
- The Sociology of Crime and Deviance. Ed. by S. Caffrey, C. Mundy. Greenwich University Press, 1995.
- Young J. *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE Publications, 2007.

Статья поступила: 27.01.22. Принята к публикации: 28.01.22.

POSTMODERN CRIMINOLOGY ABOUT CRIME AND PUNISHMENT

GILINSKY Y.I.

St. Petersburg's Juridical Institute of the University of General Prosecutor's Office, Russia

Yakov I. GILINSKY, Dr. Sci. (Law), Prof., St. Petersburg's Juridical Institute of the University of General Prosecutor's Office, St. Petersburg, Russia (yakov.gilinsky@gmail.com).

Abstract. The article offers a modern view of criminology (postmodern criminology) on crime, the grounds for the criminalization of certain acts, criminogenic factors and punishment, as a supposed means of reducing crime. Crimes and criminality are considered as social constructs, a product of the will of the authorities, the regime. Criminogenic factors turn out to be circumstances (economic, political, cultural, personal) that generally affect people's behavior. Punishment is not able to fulfill the hopes placed on it.

Keywords: criminology, crime, criminality, punishment, postmodern.

REFERENCES

- Barkan S. (1997) *Criminology: A Sociological Understanding*. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River.
- Chizhevsky A.L. (1995) *Cosmic pulse of life: Earth in the arms of the Sun. Heliotaraxia*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Christie N. (2004) *A suitable Amount of Crime*. New York–London: Routledge.
- Constructing Crime. (2012) Ed. by Ch. Gregoriou. Palgrave Macmillan.
- De Keseredy W., Schwartz M. (1996) *Contemporary Criminology*. Wadsworth Publishing Co.
- Durkheim E. (1966) Norm and pathology. *Sociology of Crime (Modern Bourgeois Theories)*. Digest of articles. Moscow: Progress. (In Russ.)
- From «prison country» to a limited pain society: the Finnish experience of prison reduction. (2012) Comp. I.G. Yasaveev. Helsinki: NIIPP. (In Russ.)

- Gilinsky Ya. (2017) *Deviance in postmodern society*. St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)
- Gilinsky Ya. (2021) *Postmodern criminology (neocriminology)*. St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)
- Gilinsky Ya.I. (2002) *Criminology: Theory, history, empirical base, social control*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Hess H., Scheerer S. (1997) Was ist Kriminalität? *Kriminologische Journal*. Heft 2: 83–155.
- Hester S., Eglin P. (1992) *Sociology of Crime*. New York–London: Routledge.
- Holton J. (1981) *Thematic analysis of science*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Hulsman L. (1986) Critical Criminology and the Concept of Crime. *Contemporary Crisis*. No. 10: 63–80.
- Ismailov R.N. (2018) *Criminology in postmodern society*. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russ.)
- Jescheck H.-H. (1988) *Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil*. 4 Aufl. Berlin: Duncker & Humblot.
- Kan Ueda. (1989) *Crime and criminology in contemporary Japan*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Kondratyuk L.V., Ovchinsky V.S. (2008) *Criminological dimension*. Moscow: Norma. (In Russ.)
- Kozachenko I., Sergeev D. (2020) *New criminalization*. Yekaterinburg: SAPIENTIA. (In Russ.)
- Robinson M. (2004) *Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior*. New Jersey: Pearson, Prentice Hall.
- Rybak A.Z. (2020) *Criminology in the human dimension*. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)
- Sorokin P. (1992) *Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Spa B. (1957) *Selected Works*. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- The Oxford Handbook of Criminology. (2007) Ed. by Maguire M., Morgan R., Reiner R. Fourth Edition. Oxford University Press.
- The Problem of Crime (1996). Ed. by Muncie J., McLaughlin E. SAGE.
- The Sociology of Crime and Deviance (1995). Ed. by Caffrey S., Mundy C. Greenwich University Press.
- Young J. (2007) *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE Publications.
- Zhalinsky A.E. (2009) *Criminal law in anticipation of change. Theoretical and instrumental analysis*. 2nd ed. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
- Zhmurov D.V. (2012) *Criminology in the postmodern era. Looking for new answers*. Irkutsk: Reprocenr A-1. (In Russ.)
- Zizek S. (2011) *Reflections in red*. Moscow: Europe. (In Russ.)

Received: 27.01.22. Accepted: 28.01.22.